

УДК 94(47+57)"1914/1917"

**«КОЗЬМА МИНИН... ВСТАЕТ И, СМОТРИТ НА НАС...»
(МИНИНСКИЙ ПОДВИГ КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

В. П. Сапон

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
vladimail2008@mail.ru

В годы Первой мировой войны в России была проведена всесторонняя мобилизация морально-психологического потенциала российского общества. Одним из приемов мобилизации стало обращение к подвигу нижегородца Козьма Минин – инициатора создания народного ополчения, освободившего Москву от иностранных интервентов в 1612 г. Патриотической мобилизации способствовало отмеченное в мае 1916 г. 300-летие со дня кончины нижегородского патриота.

Ключевые слова: подвиг Козьмы Минина, Первая мировая война, российское общество, патриотическая мобилизация.

В годы Первой мировой войны Россия столкнулась с грозными геополитическими вызовами, поэтому с самого начала конфликта остро встал вопрос о патриотической мобилизации российского общества. Как отмечает О.С. Поршнева, «разработка идейного обоснования участия России в мировой войне началась лишь после ее вступления в конфликт 19 июля 1914 г. и велась, как и в других странах, с позиции защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательства других держав» [Поршнева, 2006, с. 83].

Одним из приемов патриотической мобилизации стало обращение к подвигам знаменитых россиян, выступивших на различных исторических этапах в качестве самоотверженных защитников Отечества. Выдающееся место в плеяде этих героических личностей занял уроженец Нижегородской земли Козьма Минин – инициатор и организатор народного ополчения, освободившего Москву в 1612 г. и положившего начало возрождению русского государства после Смуты. Вполне логично, что именно на малой родине русского патриота мининская тема получила наиболее интенсивное воплощение в различных видах пропагандистской деятельности.

Козьма Минин стал, в частности, одной из ярких фигур официальной и полуофициальной государственно-патриотической риторики. Так, 27 июля 1914 г. нижегородский губернатор В.М. Борзенко обратился к жителям подведомственной губернии с извещением о том, что Высочайшим приказом Нижний Новгород и Нижегородская губерния объявлены «в положении чрезвычайной охраны» с возложением на него обязанностей главноначальствующего. Губернаторское объявление начиналось так: «Нижегородцы! К вам, потомкам славных отчизнолюбцев князя Пожарского и *Козьмы Минина Сухорукова* [имя Минина здесь и далее выделено мной. – В.С.], спасших Русскую Державу от разгрома 300 лет тому назад, настоящее мое обращение!» [Нижегородский листок. 1914. № 202, 27 июля, с. 1].

Тридцатого июля 1914 г. в Нижнем Новгороде состоялась массовая патриотическая манифестация, в ходе которой многотысячная толпа прошла по центральным улицам верхней части города и, остановившись на какое-то время на Благовещенской площади, проследовала к губернаторскому дворцу. Здесь с приветственным словом к губернатору обратился почетный председатель Георгиевско-Мининского отдела Союза русского народа священник о. П.И. Ласточкин. В своей речи «он охарактеризовал те великие события, которые в настоящее время происходят в Европе, и, указывая на громадную покрывавшую всю Дворцовую площадь толпу манифестантов, произнес, что перед Его Превосходительством находятся потомки великого гражданина земли русской *Козьмы Минина Сухорука*, дух которого живет в них и по сей день, и что они во всякое время готовы последовать примеру их великого предка – заложить жен и детей на защиту обожаемого Монарха и дорогой родины» [Козьма Минин, 1914, № 31, 2 авг., с. 3–4].

Несколькими днями ранее состоялось внеочередное заседание Городской думы Нижнего Новгорода, участники которого также воззвали к духу славного нижегородца. Городской голова Д.В. Сироткин предложил послать на имя министра внутренних дел телеграмму с почтительнейшей просьбой «повергнуть к стопам обожаемого Монарха выражение верноподданнических чувств беспредельной любви и преданности жителей Нижнего Новгорода, готовых по заветам славного предка своего *Козьмы Минина*, отдать жизнь и имущество на защиту престола и отечества» [Нижегородский листок, 1914, № 197, 22 июля, с. 2].

Мининский образ в качестве мобилизующего символа нередко присутствовал и на страницах прессы. В частности, через несколько дней после вступления России в войну в нижегородской газете с красноречивым названием «Козьма Минин» появилась программная статья, в которой имя славного нижегородца было поставлено в один ряд с именами российских императоров. «Мы все знаем, – отмечалось в указанной статье, – что скрыто под словами “общеевропейский конфликт”. Но одна Россия способна на те же жертвы, которые вырывал у нее неумолимый ход истории. Мы не забыли клича *Козьмы Минина*, раздавшегося триста лет тому назад, мы не забыли вещих слов Благоверного (Александра I. – *В.С.*), над которыми так часто впоследствии задумывал на острове Елены развенчанный герой, поведший за собой Европу на славянство... Нам знакомы всякие пределы внешних опасностей, но никакие катастрофы не могли сокрушить исполинский народ. И в уверенности, что Русь снова готова на всякие жертвы и всякие испытания, мы верим также в правое и святое дело – в миссию Руси.

С нами Бог! Так думает русский человек, когда как европейский мир подвергается тяжким испытаниям» [Козьма Минин, 1914, № 30, 26 июля, с. 3].

Имя Минина стало также весомым аргументом в полемических перепалках между консерваторами и либералами, а также между различными фракциями «прогрессивной общественности», поскольку все эти общественно-политические слои считали нижегородского героя если не социально, то духовно близким именно своему кругу. Например, либералы кадетского толка видели в «худородном Минине» человека, «всколыхнувшего своим призывом забитое и растерявшееся общество, официальные вожди которого сложили оружие» [Нижегородский листок. 1916. № 50. 20 февр. С. 2–3]. Консерваторы-«черносотенцы» высоко ценили его как «истинно русского православного гражданина», который стал «великим могучим выразителем общенародных сил» и спасителем самодержавия [Козьма Минин, 1916, № 18, 23 апр., с. 4]. «Дни Минина – мрачные дни нашей Родины. Казалось, все соединилось тогда, чтобы погубить Русское государство – и внутренние неурядицы, и нашествие врагов, и измена бояр, захвативших в свои руки правительственную власть. Но, несмотря на все это, вопреки всему, Русское царство не распалось и не подчинилось чужеземной власти, сохранило свою целостность и независимость. И этот изумительный подвиг спасения Руси совершил сам народ, откликнувшийся на призыв нижегородца Минина», – отмечал автор статьи «Враг близко... бодрствуйте!.. (По поводу 300-летия со дня кончины Козьмы Минина)» [Козьма Минин, 1916, № 19, 30 апр., с. 2–3].

В этом же духе шла полемика на актуальные общественно-политические темы. Например, 14 сентября 1915 г. кадетский «Нижегородский листок» опубликовал фельетон, который так и назывался «Минин XX века». «Попробовал бы он (т.е. городской голова, прогрессист Д.В. Сироткин. – *В.С.*), – писал автор фельетона, – по примеру своего согражданина, выйти на городскую площадь, на паперть нижегородского собора. На миру, на площади, перед народом, не только цены на лопаты, но и многое другое приняло бы новый вид. Вера его на площади не была бы так обманута, как в комфортабельных, наглухо закрытых кабинетах. “Площадь” доказала бы свой патриотизм и наградила бы патриотизм своего героя. Господа Сироткины, по старому русскому обычаю, пожалуйста на площадь!» [Нижегородский листок, 1915, № 251, 14 сент., с. 2]. Далее с юмором и даже сарказмом фельетонист описал гипотетические ответные действия «Митрия Василича» (т.е. Д.В. Сироткина) на призыв стать Мининим XX в. (Городской голова не оставался в долгу и в ответ на такие информационные атаки «просил не трепать зря в печати имени Минина» и высказывал убеждение, что репортеры «сами впредь постараются не употреблять имя великого гражданина Нижнего Новгорода в кавычках» [Нижегородский листок, 1916, № 123, 7 мая, с. 3]).

Монархисты-«черносотенцы» в газетных публикациях также задавались вопросом о том, насколько достойно современные потомки Минина продолжают традиции выдающегося патриота нижегородца: «...Прошло с того времени и со времени смерти великого нижегородского и всерус-

ского гражданина триста лет. И теперь – вся, – уже неизмеримо великая Русь в смятении духовном и в великой борьбе с страшным врагом. И теперь ... нет, не будем говорить о том, что свидетельствует о нашей разрухе духовной, о гибели в душах многих из русских людей любви к родной земле, к родным святыням, к труду и подвигам предков, создавших великомощную Русь, что говорит немолчно о засорении русской души чужедальными и чужеплодными семенами, что напоминает нам о рабстве духовном, о низкопоклонстве пред всем иноземным, что говорит о борьбе с властью Самодержца Руси, что напоминает о *воровстве* и ворах и изменниках былых времен... Не будем об этом говорить, а скажем только: и ныне, как и триста лет тому назад, русский народ стоит пред вопросом – *быть* или *не быть*!

И вот в это тяжкое для нас время встает пред нами из своей трёхвековой могилы со всеми своими сподвижниками великий нижегородский гражданин *Козьма Минин*... встает и, смотрит на нас, смотрит и ждет от нас должного привета!..

Готовы ли мы встретить его? Пусть совесть каждого скажет это» [Козьма Минин, 1916, № 18, 23 апр., с. 4].

Укажем также, что в военное время память о Минине активно использовалась в воспитательных целях. В частности, утром 2 ноября 1914 г. «по случаю годовщины» были совершены панихиды в средних учебных заведениях Нижнего Новгорода [Нижегородский листок, 1914, № 300, 2 нояб., с. 2]. (Правда, уже в следующем году газета «Козьма Минин» с сожалением отмечала, что на панихиде в кафедральном соборе в день памяти патриота-нижегородца – 1 ноября 1915 г. – отсутствовали не только представители губернской администрации и общественных организаций, но также преподаватели и учащиеся нижегородских учебных заведений [Козьма Минин, 1915, № 41, 7 нояб., с. 3].)

На протяжении нескольких предвоенных десятилетий вся империя собирала деньги на сооружение памятника Минину и Пожарскому. Эта патриотическая акция была продолжена и в годы Первой мировой войны. Так, в одном из опубликованных списков жертвователей на памятник руководителям Второго ополчения значатся Ташкентское отделение Русско-Азиатского банка и Бакинское отделение Русского Торгово-Промышленного банка, Зугдидское уездное дворянство и Царицынская городская управа, пристав 2-го участка Городской части г. Риги и благочинный монастырей Кишиневской епархии, Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь и Правление Русского Дунайского пароходства и т.д. [Нижегородский листок, 1914, № 274, 7 окт., с. 1] К 1 октября 1914 г. собранная сумма составила немногим более 47 тыс. руб. [Нижегородский листок, 1914, № 274, 7 окт., с. 1], к середине апреля 1916 г. в ходе пожертвований в связи «с чествованием памяти Минина» удалось собрать еще более 11,5 тыс. руб. [Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 150]. До войны начались подготовительные инженерные работы, тем не менее даже в 1916 г. удалось собрать лишь около половины требуемой суммы [Нижегородский листок, 1916, № 123, 7 мая, с. 3]. По этой причине нижегородский голова Д.В. Сироткин выступил перед местными деловыми кругами с инициативой восполнить недостающую сумму за счет Нижегородского биржевого общества [Нижегородский листок, 1916, № 123, 7 мая, с. 3].

Посильную лепту в реализацию проекта внесла и действующая армия. Так, командующий 1-й армией генерал от кавалерии А.И. Литвинов в январе 1916 г. ходатайствовал перед императором (и получил положительный ответ) о посылке нескольких орудий, взятых в качестве трофеев, для оформления памятника Минину и Пожарскому. Символичен тот факт, что указанные орудия были захвачены в бою подразделениями 5-го армейского корпуса, «стоявшими в Нижнем-Новгороде и пополненными уроженцами города и губернии» [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 14–14 об.]. Нижегородская дума, узнав об инициативе генерала А.И. Литвинова, выразила ему в телеграмме свою горячую благодарность. «Н.-Новгороду дорого узнать, что нижегородские полки и в настоящую великую войну оказались достойными приемниками покрытых неуваждаемой славой старых нижегородских дружин Пожарского и Минина», – отмечалось в телеграмме [Нижегородский листок, 1916, № 52, 23 февр., с. 2].

Офицеры лейб-гвардии Петроградского полка пожертвовали на сооружение памятника Минину и Пожарскому 100 рублей [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 172]. Для той же цели 61-я пехотная дивизия прислала в городскую управу 1 тыс. руб. [Нижегородский листок, 1916, № 128, 12 мая, с. 2]. От офицеров и классных чинов 38-го пехотного Тобольского полка в комитет по сбору

пожертвований поступило 700 руб. [Нижегородский листок, 1916, № 131, 15 мая, с. 2].

Особое значение героической пример Козьмы Минина имел для поддержания боевого духа солдат и офицеров, сражавшихся на передовой. Оживленная переписка велась в первой половине 1916 г. между нижегородским губернатором и командирами ряда воинских частей в связи с предстоявшим мининским торжеством. Извещения о «торжественном чествовании памяти Козьмы Минина по случаю трехсотлетия со дня его кончины» были направлены, в частности, начальникам штабов 5-го армейского корпуса и 10-й пехотной бригады, командирам 10-й артиллерийской бригады, пехотного 37-го Екатеринбургского полка, пехотного 38-го Тобольского полка, пехотного 242-го Луковского полка, II Донского казачьего полка [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 177, 178, 181–184, 194]. В эти части, а также «нижним чинам» нижегородского гарнизона были направлены тысячи брошюр о Минине, подготовленных Нижегородской ученой архивной комиссией [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 178, 203].

К указанной брошюре прилагалось воззвание нижегородского губернатора, в котором он обращался к солдатам с такими воодушевляющими словами: «...Триста лет прошло с тех пор, как почил великий богатырь духа, три века покоится прах его под могильными сводами, но бессмертный дух его реет над нами и в переживаемые нами дни нового лихолетья голос его звучит: “Заложим жен и детей и выкупим отечество”. Нет героев былого, витязей славного прошлого, но не оскудела родная земля, и на призыв бессмертного Минина подымается новый витязь в грозном, непобедимом величии богатырской силы своей. – Чудо богатырь! это ты – русский солдат, который, бросив жен и детей, на далеких полях сражений проливаешь кровь свою, не щадя живота. Тебе слава и честь, и поклон до земли, тебе осененному силой Всевышнего, благословенному Небесным Промыслом, стоящему непоколебимо за наше правое дело, за правду Божию, – правду всего человечества...» [Козьма Минин, 1916, № 17, 16 апр., с. 2].

Мининская тема стала стимулом для патриотических инициатив не только «сверху», но и «снизу». Так, в память о самоотверженном подвиге Козьмы Минина младший унтер-офицер Петроградского лейб-гвардии полка Иосиф Марцинчук пожертвовал свои награды и деньги «на нужды войны для победы над врагом». Его примеру последовали другие солдаты и унтер-офицеры полка, не остались в стороне и офицеры. Вот как об этом сообщалось в приказе по лейб-гвардии петроградскому полку № 142 от 26 апреля 1916 г.:

«...После отдачи в приказе разъяснений о содействии успеху военного займа, о сдаче избытков экономических сумм полков в особый фонд действующей армии, бесед о необходимости для государства иметь запасы золота и серебра, 20-го апреля сего года младший унтер-офицер команды конных разведчиков Иосиф Марцинчук подал Начальнику команды докладную с приложением своих двух золотых, двух серебряных Георгиевских медалей и одного рубля денег на нужды войны для победы над врагом.

Высокому патриотическому примеру младшего унтер-офицера Марцинчука последовали почти все нижние чины полка, добровольно сдав свои Георгиевские кресты и медали, прося ходатайства принести их, на нужды войны, как дорогой металл к стопам Обожаемого Государя с выражением чувств беспредельной любви и беззаветной готовности положить жизнь для победы над врагом на счастье и благо Царя и Родины.

Преклоняясь перед этим святым порывом души и сердца и гражданским патриотическим самоотвержением нижних чинов, равновеликим их воинской доблести, и перед примером и формой жертвы еще не бывалой в летописях армии, дабы быть достойными своих подчиненных, гг. офицеры полка постановили присоединить к пожертвованию нижних чинов стоимость всех полученных ими за войну орденов, внося немедленно одну тысячу рублей, и просят ходатайства о заказе Георгиевских крестов и медалей из желтого и белого металлов за теми же номерами для выдачи нижним чинам с тем, что все расходы по изготовлению их гг. офицеры принимают на свой счет.

Приложение: Георгиевских крестов: золотых – 15, серебряных – 388, медалей золотых – 27, серебряных – 470, золотых монет – 3, серебряных – 71, кредитных билетов – 2, всего на сумму 54 рубля и 20 коп. Список нижних чинов поротно. Одна тысяча рублей кредитными билетами» [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 7. Л. 3–3 об.].

Как отметил командир лейб-гвардии Петроградского полка генерал-майор А. Беляков в письме нижегородскому губернатору 16 мая 1916 г., это событие «было между прочим навеяно надвигающимися днями торжественного чествования памяти Козьмы Минина в день трехсотлетия

его кончины, воспоминаниями его подвига, некоторой аналогией обстоятельств, как это отмечено в описании, и вылилось непосредственно в своеобразную форму невольного подражания» [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 7. Л. 2].

Событием общегосударственного масштаба стали памятные торжества по случаю 300-летия со дня кончины нижегородского патриота, проведенные в мае 1916 г. Главные мероприятия прошли в Москве и Нижнем Новгороде. Описывая чествование памяти Козьмы Минина в древней русской столице 8 мая 1916 г., пресса отмечала: «Сегодня, в Чудовом монастыре отслужена заупокойная литургия по Козьме Минине. Литургию служил еп[ископ] гродненский Михаил соборие. После литургии состоялся крестный ход к памятнику Минину и Пожарскому на Красной площади. Присутствовали военные и гражданские власти, представители города, купечества и много публики. На памятник возложено много венков.

У памятника был отслужен молебен о даровании победы русскому и союзному оружию. Прот[оиерей] Восторгов произнес слово.

Городской голова М.В. Челноков, очертив историческую роль Козьмы Минина, указал, что общественные организации, работающие на оборону и в деле помощи больным и раненым воинам, идут по его стопам.

Сегодня все московские газеты посвятили все передовые статьи 300-летию памяти Козьмы Минину.

Газеты сходятся в оценке торжества, называя его торжеством подлинных граждан и настоящих общественников» [Нижегородский листок, 1916, № 125, 9 мая, с. 2].

В подготовке и проведении «мининского торжества» на родине народного героя приняли участие представители Москвы, Суздаля, Нижнего Новгорода, уездных городов Нижегородской губернии. В феврале 1916 г. в Нижнем Новгороде был создан специальный комитет, в который вошли представители губернской администрации, духовенства, учебных заведений, земских органов, различных учреждений и деловых кругов [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 148]. Комитет под председательством нижегородского губернатора А.Ф. Гирса продолжил сбор пожертвований на памятник Минину и Пожарскому и одновременно приступил к целенаправленной подготовке «возможных по условиям переживаемого времени празднеств».

С самого начала своей деятельности комитет осознавал большое значение «мининских торжеств» в первую очередь для поддержания высокого патриотического духа населения. «Зародившаяся идея чествования памяти Минина ... является весьма своевременною и более чем уместною ввиду переживаемого нами нового тяжелого лихолетья, когда, как и 300 лет назад, мощь государства питается силами и бодростью духа всего русского народа. Чествование это, напоминающее о беззаветно преданных отчизне героях прошлого, славного богатырскими подвигами избавителей России от “конечная гибели”, поднимает чувство патриотизма среди народа и дает ему утешение в тяжелые минуты», – отмечалось в одном из протокольных документов комитета [ЦАНО. Ф. 894. Оп. 212 а. Д. 3. Л. 148].

Официальное чествование памяти Минина в Нижнем Новгороде началось утром 8 мая 1916 г. торжественной литургией в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Богослужение провели архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким и епископ Балахнинский Макарий. В храме присутствовали почетные гости: великий князь Георгий Михайлович, командующий Московским военным округом генерал от артиллерии И.И. Мрозовский, бывшие нижегородские губернатор П.Ф. Унтербергер и вице-губернатор С.И. Бирюков, депутаты из Москвы и уездных городов Нижегородской губернии. Местную губернскую и городскую элиту представляли губернатор А.Ф. Гирс, губернский предводитель дворянства М.С. фон Брин, начальник местного гарнизона генерал-лейтенант В.Ф. Плюцинский, делегаты от различных учреждений и корпоративных организаций.

После окончания литургии и в ходе молебна «по особому чину» начался многолюдный крестный ход, который направился к памятнику Минину на Часовой горе, а затем, после совершения литии у места будущего памятника Минину и Пожарскому, остановился у памятника императору Александру II на Благовещенской площади. «Здесь закончено было всенародное молебствие о даровании победы, с провозглашением вечной памяти всем, за веру, Царя и Отечество живот свой положившим» [Нижегородский листок, 1916, № 125, 9 мая, с. 2].

В рамках мининских поминальных мероприятий в Нижнем Новгороде прошли «парад войскам местного гарнизона, кадетам и ученическим дружинам», завтрак для великого князя и его сви-

ты в губернском дворянском собрании, торжественное объединенное заседание городской думы и Нижегородской ученой архивной комиссии, на котором с приветствиями и речами выступили представитель правящей династии Георгий Михайлович, архиепископ Иоаким, нижегородский губернатор А.Ф. Гирс, городской голова Д.В. Сироткин, председатель ученой архивной комиссии А.Я. Садовский, профессора С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер, директор Императорского Московского археологического института А.И. Успенский, сенатор Н.Н. Муратов и др. Вечером состоялись парадный обед в губернаторском дворце и раут в городской думе. «В течение всего дня в городских садах, на площадях и у городского театра играли оркестры и пели хоры. Вследствие юбилейного торжества и хорошей погоды, наступившей после дождя, буквально весь город высыпал на улицы и площади» [Нижегородский листок, 1916, № 125, 9 мая, с. 2].

На адрес нижегородского головы поступило около 80 приветственных телеграмм от различных государственных деятелей, в том числе от председателя Государственного совета, и учреждений, земских, общественных и научных организаций, учебных заведений из Петрограда, Москвы, Казани, Архангельска, Томска, Саратова, Рязани, Твери, Костромы, Смоленска, Тулы, Харькова и других городов. Из Владимира, например, пришла телеграмма следующего содержания: «Великий воевода земли русской кн. Пожарский склоняется перед могилой своего славного сподвижника великого русского гражданина Кузьмы Минина и в духовном единении с архипастырями родной ему Владимиро-Суздальской области молит Всевышнего даровать православной русской церкви мир, Царю и всему Царскому Роду вовеки нерушимое благоденствие, всем русским людям единение помыслов и чувств.

Да объединятся все русские люди, как некогда в дни Минина и Пожарского, вокруг царского престола, как тогда, всей землей и во главе со своим Самодержавным Царем ударят на врага и снова докажут всему миру, что дух Минина и Пожарского, дух любви и преданности вере православной, Царю и родине жив, могуч в сердцах российских сынов и не сломить его нашим врагам.

Не бывать тому, чтобы православный стяг склонился перед неверными. Не бывать тому, чтобы Волга матушка потекла в море немецкое». Телеграмму подписали архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей, епископ Юрьевский Евгений, кафедральный протоиерей Сперанский, городской благочинный протоиерей Уваров, управляющий губернской казенной палатой Шипов, городской голова Сомов [Голос Волги, 1916, № 6, 11 мая, с. 3].

Памятные мероприятия, состоявшиеся в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии 7–9 мая 1916 г., стали по официальной оценке свидетельством «отличной распорядительности» местных властей и общенародного патриотического воодушевления [Голос Волги. 1916. № 6, 11 мая. С. 3]. Однако «Мининские юбилейные поминки 1916 года» [Галай, 2012, с. 237] не стали тем поворотным событием, которое позволило бы осуществить эффективную мобилизацию морально-психологического потенциала российского общества и радикально изменить в лучшую сторону ситуацию на фронте и в тылу. По верной оценке Ю.Г. Галай, этот «юбилей, совпавший с очередным испытанием нашего Отечества, стал последним патриотическим всплеском в уходящей России и стал фактическими поминками по царствующей династии Романовых, которая была возведена на престол не без помощи и Кузьмы Минина» [Галай, 2012, с. 237].

Видимо, одним из последних событий в империи, в связи с которым упоминалось имя выдающегося нижегородца, стало предложение Нижегородского совета губернского отдела общества памяти воинов о строительстве «в ближайшее время приюта для сирот погибших с присвоением ему имени народного героя Минина» [Нижегородский листок, 1917, № 57, 27 февр., с. 2]. Объявление об этом проекте появилось в местной печати 27 февраля 1917 г.

По справедливому замечанию видного военного историка, участника Первой мировой войны Н.Н. Головина, «формула “За Веру, Царя и Отечество” была для русских народных масс 1914 г. своего рода политическим обрядом» [Головин, 2008, с. 692]. Подвиг Козьмы Минина, который в период Смуты стал одним из организаторов общенародного движения за освобождение страны от интервентов и восстановление православной монархии, являлся вполне органическим элементом указанного обряда и в этом качестве довольно активно использовался в пропагандистских целях. Однако к 1917 г. этот «“политический обряд” русских народных масс был окончательно разбит» [Головин, 2008, с. 692], и на фоне трагической девальвации патриотических ценностей героический пример выдающегося нижегородца теряет свою мобилизационную эффективность. Образ самоотверженного патриота, спасшего русскую монархию за триста лет до рассматриваемых событий,

заслоняется совсем другими образами и историческими аналогиями.

Список источников

Нижегородский листок. 1914, 1915, 1916, 1917 гг.

Козьма Минин. 1914, 1915, 1916 гг.

Голос Волги. 1916 г.

Библиографический список

Галай Ю.Г. Минин в памяти нижегородцев. Н. Новгород, 2012.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Головин Н.Н. Наука о войне: избр. соч. М., 2008.

Поршнева О.С. Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914 – начале 1917 гг. // Воен.-ист. антропология: Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.10.2014

«KOZMA MININ ... GETS UP AND LOOKS AT US ...» (MININ'S FEAT AS A FACTOR OF PATRIOTIC MOBILIZATION OF RUSSIAN SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR)

V. P. Sapon

Nizhniy Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Ulyanov str., 1, 603950, Nizhniy Novgorod, Russia
vladimail2008@mail.ru

The author states that moral and psychological mobilization of the Russian society was held during the First World War. The appeal to the feat of the famous Nizhny Novgorod resident Kozma Minin, the initiator of the people's military forces which expelled interventionist troops from Moscow in 1612, was used as a method of such a mobilization. Minin became one of the brightest figures of state and patriotic rhetoric during the First World War. His image as a mobilizing symbol was present in the media quite often. The heroic example of Minin received a great importance for maintaining high fighting spirit of Russian soldiers and officers battling at the front. The memorable celebrations on the 300th anniversary of the death of Minin in May, 1916 became an event of nation-wide scale. The commemorative events which took place in Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod province on May 7–9, 1916 proved to be the testimony of high public patriotic enthusiasm. Nevertheless, Minin's "anniversary" did not become a kind of a crucial event which would have allowed to hold an effective mobilization of moral and psychological potential of Russian society and to change the situation at the front considerably to the best.

Key words: Kozma Minin's feat, the First World War, Russian society, patriotic mobilization.

References

Galay Yu.G. Minin v pamyati nizhegorodtsev. Nizhniy Novgorod, 2012.

Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne. *Golovin N.N. Nauka o voyne: izbrannye sochineniya.* M., 2008.

Porshneva O.S. Evolyutsiya obraza voyny v soznanii massovykh sloev rossiyskogo obshchestva v 1914 – nachale 1917 gg. *Voен.-ист. антропология: Ezhegodnik, 2005/2006. Aktual'nye problemy izucheniya.* M., 2006.